

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

АЛЕКСЕЙ ПАХОМОВ

УПАСТЬ НА ЛАДОНИ БОГА

СТИХИ

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2013

А. Пахомов. Упась на ладони Бога. Стихи –
М.: Вест-Консалтинг, 2013. — 44 с.

ISBN 5-86676-029-0

Заказное издание
Книга выпущена в авторской редакции

- © Н. А. Пахомова, 2013
- © Л. В. Волохонская, послесловие, 2013
- © Союз литераторов России, идея издания,
составление, 2013
- © Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2013

АЛЕКСЕЙ ПАХОМОВ (03.06. 1948 – 21.03. 1998)

Говорят, что поэт – это не профессия, это биологический тип, что вполне можно отнести к Алексею Пахомову. Как многие русские юноши-«шестидесятники», он много просиживал в библиотеках. Писать начал в 1965 г., первые юношеские стихи собрал и торжественно сжег. В те же, 60-ые, посещал различные литобъединения. В конце 60-х пробовал работать в редакциях, но, не стерпев редакторской правки (он не давал исправить ни строчки), приспособиться к профессиональной литературной (журналистской) работе не смог. Писал стихи и небольшие эссе очень быстро, на едином дыхании. «Делать» ни стихов, ни статей не умел, оставалось на бумаге только то, что удавалось «выдохнуть» сразу, а если начинал что-то править, просто писал другое, новое. Остальное уничтожалось без сожалений.

После неудачи в редакциях работал в музеях: литературном им. Пушкина, Зоологическом, Восточных культур на подсобных работах. Очень любил музей им. Скрябина, где наблюдал эксперименты со светомузыкой. В 70-х г.г. собрал довольно солидную библиотеку (были и книжные редкости) и фонотеку.

Еще в возрасте 16 лет произошло воцерковление, духовными учителями считал о. Всеволода Шпиллера, о. Ал. Меня, о. Виталия Сомова, о. Владимира Смирнова, о. Павла Адельгейма. У о. А. Меня был духовным сыном. Отдал дань восточной философии и поэзии, немецкой классической философии и поэзии, античной философии и поэзии. Переболел (не сильно) Антропософией доктора Штейнера (на его вкус слишком рационалиста) и многим другим, что сейчас у всех на слуху, а тогда добывалось непросто. Он глубоко и искренно веровал и благоговейно относился к святоотеческой литературе и Священному Писанию. Поэтика священного Писания всегда восхищала его и была источником вдохновения. Любил беседовать на духовные темы и, возможно, имел дар учительства, но не смел и думать о пути священства, так как считал себя человеком весьма грешным. Не избежал и греха многих и многих поэтов – пьянства. Периодами бывал моралист и аскет, периодами «погружался в богему»: шёл по Арбату, Сивцеву и другим обиталищам художников, из мастерской в мастерскую, посещал шумные сборища, где читали стихи, музи-

цировали, пили. Сам читал красиво, энергично, «с напором», не проговаривал, а декламировал. В официальных вечерах поэзии участвовал крайне редко. Круг знакомств и приятельств имел очень обширный, от творческой элиты до завсегдатаев питейных заведений (в том числе знаменитой Ямы). Был близок к СМОГистам, приятельствовал с Л. Губановым, был знаком с В. Делоне, Вл. Алейниковым, Аркадием Пахомовым, но ни к одной литературной группе не примыкал.

В 1976 г. женился – венчался у Ильи Обыденного, у о. Владимира Смирнова. В 1977г. родился сын, о котором А.П. втайне мечтал, но, будучи человеком «неудобным» в обыденной жизни, не надеялся обрести свой собственный дом. В начале 1980 г. от Журнала Московской Патриархии получил предложение заняться переводами богослужебных текстов на современный русский язык, как человек, имеющий дар слова. Но все-таки не решился на этот шаг, побоялся серьезной заказной работы, связанной с обязательствами.

Жизнь А.П. не была богата внешними событиями, но внутренняя жизнь проходила напряженно. Среди своих учителей А.П. числил А. Блока, Вл. Соловьева, Якова Бёме, Мейстера Экхарта. Он немного не дожил до 50-ти...

Алексей Пахомов не был «горланом-главарем». Гражданской поэзии у него немного. В стихах его много нежности к людям, благоговейной нежности к Богу. Его лирика пронизана истинной, неизголовной религиозностью, неистовым стремлением вырваться из грешной, смердящей грехом оболочки к сияющему чистому свету.

Наталья Пахомова

*Младенец лучиком играл
На созданной им суше...*

* * *

Подожди, когда ветер устанет
От тугого движенья ветвей,
Когда тихая радость поманит
Глубиной позабытых вещей.
Подожди до озерной причуды
Колдовать бирюзовой тоской,
Зазеркальные плещутся юды,
Зазывая на вечный покой...
Ворожба продолжение тени
Потеряла в немой глубине.
Подожди и доверься измене,
Затаенной на илистом дне.
И забудется трепет печальный,
Отраженный уснувшей водой.
Он придет, этот зов изначальный:
«Подожди, я приду за тобой,
Я приду дуновением рая,
Я приду золотою листвою,
Подожди, я приду, умирая,
Как Любовь, я приду за тобой!»

* * *

Хрустальные звуки органа,
Хрустальная Аве Мария.
Далекое плачет пиано,
Глядит с иконы печально
Суровый пророк Еремия.
Глядит печальная Матерь –
Склоняюсь пред ней на колени.
Склоняется медленно патер,
Людей склоняются тени.
С органами звуками слиты
Долго из сердца несутся
Тихие к небу молитвы.
Тернием муки обвитый,
Свершаю с Христом Виа Крузис.

ТРОИЦА

...придут и сядут...

Звонкие нити семи миров
Соединяют дыхание ветра
С медленным таяньем берегов,
Тех берегов, о, Мадонна Пьетра!
Тайной рождения замкнутый плод
Там, за дыханием огненных вод.
Тайна жены в оперении солнца,
Семь вознесенных колонн белизны...
Все! Оскудела заветная горница,
Ангел задумчиво к ангелу клонится,
Горбится третий над чашею полной.
Кончено, полночь и возглас невольный.

* * *

Иду по твоему лучу,
Влеком твоим влеченьем.
Ты хочешь, значит я хочу,
Заговоришь, не промолчу,
Светя твоим свеченьем.
Спешу наполниться сосуд
К сему ты предназначен,
И в Цезаря вонзает Брут
Всю ненависть, свершая суд,
И чей-то долг оплачен.
Что образ, или образа
Уж ничего не значат?
Рука, прикрывшая глаза,
Не закрывает небеса,
От них рука не спрячет!
Иду, но по чьему лучу?
Влеком, но чьим влеченьем?
Ты хочешь, я ли не хочу?
Ты замолчишь, я крикну,
Заклятый отреченьем!
И все же, блудное дитя,
Меж свиньями живущий,
Свой взор от грязи отведя,
И телом и душой смердя,
Иду к Тебе, зовущий!

* * *

Я заповедую тимпан,
Органы, гусли и кифару
Тому, кто позабыл обман
И лавром заменил тиару.
Я заповедую восторг – тому,
Кто, внемля Иоанну,
Ночное марево отторг,
Поставив скинию вне стана.
Да слушает меня поэт
В громах и тихом дуновеньи,
Да отразит во вдохновеньи
Небесной радуги завет!
Все дам поэту моему,
Но, если мой поэт изменит,
Я вдохновенье отниму,
И плач восторг его заменит!
Земля не даст своих плодов –
Сын праха заслужил презренье:
Он оскорбил Отца богов
И не достоин сожаленья...
Да будет так!
Но если он к стопам моим, Халкаливана,
Падет
Я все верну, склонен:
Восторг
И грома Иоанна!

* * *

Минует мгновенье,
Полное полночью
Медных ударов.
О, дар надоевших кошмаров,
Рождающих зарево злобное,
Кичливое близостью ада...
О, где золотая ограда?
Не знает душа онемелая,
Не верит огню очага...
И медленно тают
Живые созвучия,
На медленном пламени
Медленно мучая...

О, как ты к больному строга,
Душа моя, горлица,
Жертва Закона,
О, дай мне опомниться
От мерного звона
кошмара полночного,
От белого ада...
Ты рада?
Минует – и рада!

* * *

Памяти К. Бальмонта

За окном умирают тени,
За окном наступает ночь.
Убегают в небо ступени,
Я иду по ступеням прочь.
Я иду со скипетром царским,
Над моей головою венец,
Расточаю я звездам ласки,
Как созданиям своим творец.
Только больно ступать ногами,
От скипетра больно рукам.
Глаза застилают слезами,
Звенящими по ступеням.
Раны обратно позвали
Земле возратить любовь.
Я возвратился из дали,
И на землю хлынула кровь.
Я пришел по ступеням, Отче,
Наступившего дня Творец,
Возвращая тени из ночи,
В мозг вонзившей терновый венец.

* * *

В саду, не тронутым течением часов,
Хранимом мышцею господней,
Любовь не требовала слов,
И слово славил свободней.
Плоды вкушая и рождая плод
Премудрости всевидящей зеницы,
Адам и Еву Евою зовет

И птицу называет птицей.
«Но почему, – чеканит чей-то шепот, –
Свой взгляд не остановите на том,
Что порождает знания и опыт
И нарекается добром и злом?»
Адам, Адам, Господь не видя, видит,
Что целомудрие сменилось наготой,
Что снова круг завещанный разбит
Приобретенной зренья остротой!
В последний раз их сходятся дороги
Вне времени, вне боли и труда...
Адам, Адам, вы будете, как боги
Нести печаль до Страшного суда!

ОРФЕЙ

Целуют губы наболевший воздух,
Тоскуя о потерянных сосцах
Обременяя памятью слепца,
Униженного раннею потерей,
В ком образы еще не оскудели,
И сочетанье цвета и цветка
У колыбели радужных феерий
Не отцвело потерею зрачка.
И тронут миг, и вот уже возница
Не сдерживает бег своих коней.
И кони мчат стремительней зарницы
Туда, туда, на празднество теней.
И брызнул звон, Элизиума сон
Нарушен мановеньем Громовержца.
Взметнулось пламя радужное сердца,
Знакомой тенью взор заморожен...
Последний взгляд, мерцанье тонких свеч...
Зачем скопцу голубизна и горечь
Ее потери, стоит ли беречь
Очарование нетронутой ладони,
И фимиам уже прошедших встреч,
Прошедших дней, уставших от погони!
Пел Орфей, вверяя лире
Всю тоску по Эвридике:
«Зевс, могучий громовержец,
Ты стенания услыши,

Обезумевшего сердца!
Я не выдержу разлуки,
Без любимой Эвридики
Я не стану славить Солнце!»
Пел Орфей, умолкли рощи,
Нимфы резвые застыли,
Птицы клювы опустили,
Волны берег не полощут,
Только близок час последний:
Вой Вакханок пенит воздух.
Совершенного наследник
Отраженьем полнит воды
Стикса, скованного снами...
Последний час, усталое созвучье
Лишь эхо подхватить сумело,
Последний взгляд – и все восстановило
В мгновение разорванное тело...

* * *

Я Алеф, Ты альфа, нет, арфа,
Я – зов, ты – зовущий, нет, арфа!
Я же – амфоры хрупкое тело,
Что готово упасть и разбиться...
И я слушаю, слушаю, слушаю,
Как поет безумная арфа,
Призываю безумные ветры,
Чтобы струны звенели, стонали, убивали,
Но только
Никогда, никогда не молчали,
Ибо, если умолкнет арфа,
То я перестану с л у ш а т ь...

* * *

И так всегда,
Когда померкнет роза,
И соловей забудет о любви,
Войдешь ко мне,
Цветущая морозом,
С единственной просьбою, «сорви!»
Прикосновением затрепетали пальцы,
Целующие бледное лицо,

Наверное, мы оба постояльцы,
Забытые началом и концом.
Целуй меня, согрей в объятьях снежных,
Заворожи дурманами речей,
Скажу спасибо, как ушедший прежний
Или как ветер за спиной твоей.
Потом уйдешь, и стены забормочут
На странном деревянном языке,
В свои права войдут остатки ночи
С спокойными звездами вдалеке.
И старый бред уснет,
Залатанные раны
Уж никогда не потревожат сна,
Я завернусь в белесые туманы
В которые, простясь,
Окуталась она...

* * *

Я качался на качелях бытия,
Занесли меня качели в область «Я»
Огляделся, боже правый, что за вид:
Я не я уже и наголо обрит.
Нету носа, нет ушей и нету рта,
Признаюсь, не понимаю ни черта.
Чем же нюхать буду, слушать и дышать?
Это смертному бедняге не понять!
Голый череп не порадовал меня
И решил тогда вернуться я в «Не Я».
Возвращаюсь, чудеса на решетке:
Я-то я уже, но запахи не те!

* * *

За окном иль, может быть, за смертью,
За пятью стенами ощущений,
За перстами солнечного света,
В кружеве зелено-синем неба,
Листьев, в скорбной магии ветвей,
Ожидающих рождение и смерть,
Дерево в дремоте дней,
С жадностью корней, вонзающихся в землю
Хваткой бесконечной усталости!
...Мне бы такое желание жизни.

* * *

Ты сорвал цветок печали
Неосознанным движеньем
В день, когда тебя венчали
С преступленьем.

ПЕСНЯ

За ретушью роскоши,
За высокою насыпью –
Преддверие пустоши,
Барханы и осыпи.
Солнце немилосердно,
Зной невыносим.
Падает мерно
Медное, колокольное:
«Помоги!»

* * *

По высотам, невидимым оком,
Летела стая возвышенных мыслей
К берегам, текущим молоком и медом.
Не туда только нас мысли вынесли,
В пустыню, кишашую Скорпионами
(Среди звезд и такое созвездие есть).
Такова возвышающимся месть,
Соблазняющимся Сионами!

* * *

Я спросил у мертвой воды:
– В чем, вода, твоя сила?
– Омываю тленья следы,
Вода проговорила,
– Твердость даю костям,
Рассеченное соединяю,
Возвращаю к источным дням,
В небытие возвращаю.
Я спросил у живой воды:
– В чем, вода, твоя сила?
Кристаллом чистой слезы
Сердце вода оросила.

* * *

Птицей забился белою
По синим ветрам.
Что же я нынче делаю?
Зачем разрушаю храм?
Он не мой, но Его,
(Горлом кровь на восток).
Сколько же лет прошло?
Тридцать лет или сто?
Только больно стало рукам,
Живости лишен шаг,
Каина ученикам
Уподобился слова маг,
Убил своего Авеля
На диком поле,
Прошелестел голос Ангела:
«Доколе?»
...Птицей забился белою
по синим ветрам.
Знаю, чего не делаю,
Что делаю –
Не знаю сам!

КАЧЕЛИ СУДЬБЫ

И золотая осень,
И звонкое лето цикад,
Даже вечная просинь –
Качаются наугад.
Качаются боги ада,
Качаются лики дня.
Душа моя не рада
И не радует меня.
...За высотой мысли,
За глубиной огня
Дороги белые вышли
В пучину небытия.

ПЕСНЯ

Я же беден и нищ
И не знаю, кто я.
Небо – мой щит,
Немощь – сила моя.
Иду по следам овец,
Пасущихся на горах,
Призывает меня Отец
Трепет познать и страх,
Я же – пепел и прах,
Припадая к твоим стопам,
Чаю орлиный взмах,
Не взлететь не могу сам.
Воскрылиями риз
Покрой стыд моей наготы,
Вечностью одари
Жаждущего высоты!

* * *

Стены с четырех сторон,
Окна – узкие бойницы:
Обветшалые страницы
Жизни после похорон...

* * *

Меня тревожат по ночам
Инкубы и сукубы,
Их жадные до крови губы,
Их вечно обнаженный срам.
Все для того, чтоб жизни соки
Из плоти высосать моей.
Вот так из зависти и злости
Рожаем мы чертей!

* * *

Не может солнце не золотиться,
Не могут воды не серебриться,
Если крылья есть –
Не могут не летать птицы...
Солнце – для неба,

Воды – для рыб,
Для гор – громады бесчисленных глыб,
Для звезд предвечных
Звучит наша речь,
Для страстей человеческих –
Железная печь!
Всему свое время и свой предел.
Что же ты песню свою не спел,
Посреди столь великих дел
Не устающей творить природы?
Значит, не жил ты, а тлел,
Все отпущенные тебе годы!

ИКАР

Я вышел из себя,
Пройдя сквозь стену,
Не подчиняясь тела плену,
Я вышел к солнцу,
истребя
Подобье тени.
Сверкала гладь воды,
И я над нею
Сначала робко, потом смелее
В крыла оборотил и перья
Беспомощность руки.
И стали так близки
Пространства, цели,
И мысли словно осмелели
И расцвели,
Став полем плодородным.
Я слышал рост их,
Я был воздух,
Полный аромата!
И лишь предчувствием объята
Была душа.
Я возвратился
В отчаянии, спеша
Увиденное сохранить...
Все кончилось,
И надо жить.

* * *

Я жалуюсь, как жалуются дети,
Когда им больно и обидно,
Да лишь дитя во мне не видно!
Но этот зверь, попавший в сети
Безумных мыслей и тревог
Меня во мне не превозмог!

* * *

У смерти одно преимущество –
У нее немного имущества:
Дерево, слезы и свечи
Бесконечно далеких звезд.
Что вы плачете об умерших?
Плачьте о детях ваших,
Еще не расцветших, гнезд!
Скрежет зубовой и полночь.
Дай-то вам Бог помощь!
Тонко и нежно поет свирель...
Жизнь – вечная карусель...

НАДЕЖДА

Весенней почки запах прян,
И глубже вдох...
То океан,
Застигнутый врасплох.
Вот всполох зелени –
Опять
Вернулось время вспять,
Вновь между пальцами побег,
Весною пальцы вспыхнули,
Забыл младенец, что был снег,
И льется синевою смех:
Зимы слезинки высохли!
И вдох, как пряник,
К нам приник:
Весна открыла свой тайник!

* * *

У первого цвета
Чудесного цвета –
Ромашки головка
Так робко
Глядит в синеву...
Как хорошо лето!
Не пушкинское,
Но поэта.

* * *

Мириады звездных глаз
Смотрят холодно на нас.
Миллиарды глаз земных
Смотрят с завистью на них.

ХОРОВОД МАНАИМСКИЙ

*...раю мой, раю,
раю пресветлый!*

*Всякое житейское ныне
Отложим попечение...*

Про утро и вечер
Рассказывал ветер
Земле и небу.
И слушало ухо Земли
Неба ухом,
Как Его вели
К дереву,
К реву толпы,
Пыль
Завесою храма
Подняв.
Сон или явь?
Он, руки раскинув,
Твердь на груди убаюкал
Голубую,
С прожилками облаков,
В землю оков
Исходя кровью...

И не было слов
У скорби с любовью.

* * *

Когда придем мы
В обитель древнюю,
Вздыхнем с облегчением,
Взглянем по-новому
На прежде далекие,
А ныне близкие
Лики бессмертные
Очами светлыми
И успокоимся...

КУМРАН

У белого камня имя хранимое,
В огне Серафима неопалимое,
Во тьме Люцифера неугасимое,
Пред светлым престолом сияет.

ПСАЛОМ

Затаись, не дыши, слышишь?
Осторожнее, не спугни:
Бог из чертога вышел
И касается нашей души.
Встань, Суламита спящая,
Господь при дверях,
Слаще вина, слаще
Улыбка в его устах.
Страшнее пожара очи,
Слово острее меча,
Угасают светила ночи
От движенья его плеча.
И растаяли наши души,
Изнемогая в любви.
Только внимать, слушать:
«Отзовись, не молчи, призови!»
Благоухание мира
С плачем вдыхает Давид,
В селениях Иaira:

«Учитель, раввуни, равви!»
У живого живы и мертвые,
Что тоскуете по гробам?
Две лепты вдовы, потертые,
Ожидает Господь на Храм.

ДУХ

Заросли света
Без очертаний,
Река безудержных сил!

СЕМИСВЕЧНИК

Семь столпов золотых,
Семь самсоновых кос,
Семь серебряных труб,
Семь сияющих звезд.
Семь сжигающих чаш,
Семь немолчных громов,
Семь рогов,
Семь очей,
Семь свечей,
Семь разбуженных дней.

ЧТО Я УСЛЫШАЛ, КОГДА ИМЕЛ КРЫЛЬЯ

- Отче!
- Что, сыне?
- Как мог дух воплотиться в глине?
- Мимо, мимо летим, сыне!
- Отче!
- Что, сыне?
- Доколе Иуде висеть на осине?
- Мимо, мимо летим, сыне!
- Отче!
- Что сыне?
- Отчего народ твой скиталец пустыни?
- Мимо, мимо летим, сыне!
- Отче!
- Что, сыне?
- Отличимы ли дни и ночи, бессвятая и святыни?

- Мимо, мимо летим, сыне!
 - Даже мимо самого мимо?
 - Мимо!
 - Мимо безмолвия и слова, мимо отчего крова,
 - Мимо образа и сути, разума и безумия?
 - Мимо ангела и херувима?
 - Отче!
 - Что, сыне?
 - Значит, и тебя мимо?
 - Мимо.
- В полете покоя зримо, то, что непостижимо!

АДАМ

*«Адам, Адам, вы будете,
Как боги, нести печаль
До страшного суда!»*

Человек, рожденный Словом
И гортанью,
Облеченный светотени
Тканью,
Осужденный на Земле
Скитанью,
Гневу и смирению
Причастен,
Над своею жизнью
Не властен!

* * *

Как-то, размышляя о мире,
Я заснул и увидел во сне
Мир, размышляющий обо мне.

ПРИРОДА

Каждой тропинке,
Лужице каждой,
Любой паутинке
Однажды
Приходится слиться

В живую страницу
Живого Писания,
Пресуществляясь
В с о п р и к а с а н и и.
Во что нельзя не влюбиться!

* * *

Любовь – тончайшее из чувств,
(Так паутина тает в солнце),
Полн
целый мир
Искусств ее волшебных!

* * *

Сидеть у моря и видеть волны...
Следить за парусом, поймавшим ветер,
Движеньем гибким, живым и радостным.
О, белый мускул в оправе синего!
Достанет силы ли достичь заветного,
Глубоко спрятанного в глубинах дольнего?
Мечты у моря, как волны моря,
Такие ласковые, такие томные!

* * *

Я грядущему поверил,
Прошлому задал загадку,
Жизнь свою заговорил
И на смерть себя помножил.

* * *

Иногда я хочу проснуться,
Оглянуться и в бездну кануть,
И упасть на ладони Бога,
И уснуть на его ладонях...
Так август на знойной сини
Серебрит паутины накипь.

СКОРОГОВОРКА

Я не был небылью боли.
И были другие,
двурогие боги.
Пали
во время свое
В зале пляшущих дней
Они!

* * *

Стремителен бег коня,
Стремительней – полет стрелы.
Стрелы небесного огня
Пугаются даже орлы.
Страшны тени в ночи,
Страшней – ожиданье рассвета,
Но даже ад замолчит
От ужаса божьего света...

* * *

В ритме сердца
Поэзия бьется,
Заповедное слово тая,
Бог смеется,
И плачу я
От восторга уловленных мыслей!
В выси
Брошен мой разум,
Грозам навстречу –
Взгляд,
А очи смиреньем горят,
Последним прибором покоя!
Я упал на ладони Бога,
И Ангел сказал мне: «Брат!»

* * *

На одре болезни,
Глухой и слепой,
Прошу, не исчезни,
Перстами пропой

По пальцам усталым
Усталой душе,
Пусть даром,
Как шелест
листа над водой...
Ах эта осень перед зимой!

СОН

В видении иль тонком сне
Так явственно являлось мне
Мое божественное тело!
И все цвело, искрилось, пело,
Испепеляя плоть и кровь.
Мне мнилось, то была любовь,
Лишенная земного,
И я истаял в огненной истоме,
Как тает снег в весеннем окоеме.
Я прозревал покой,
Оковы разрывая рабства,
Я был и царь и царство,
Гармонии всемирной строй
В сиянии пурпура и золотом венце!
Божественное говорило о Творце...
Во сне, где жаждал пребывать я,
Явь раскрывала мне свои объятия.
И вдруг – стена зловещей ночи:
Для мира здешнего мои открылись очи.

РУФИ

Поле колышет пшеницей,
Неба пленяясь покровом,
Бережно Руфь-жница
Собирает колосья вдовам.
Оставляет тебе жажду
Туманом мелькнувший берег.
Вспомни, мы были однажды
Без времени, без меры.
Проснуться, остановиться,
На мгновение стать былью...

Не даром Руфь-жница
Главу посыпает пылью.
Плачут ворота града
Возлюбленного Иерусалима,
Ворваны деревья сада,
Время неумолимо!
Только вечная Руфь-жница
Чиста сияньем снега.
Поле колышет пшеницей,
Ветра пленяясь бегом.

ЗАВЕТ

Да и аминь –
среди тьмы «нет».
Голубым небом
Я целую землю.
Золотым хлебом
Крыльям ветра внемлю.
И живу – светом,
И дышу духом,
Серебристым пухом
Обручен с летом.
Дорогим гостем
Ко мне приходит Правда.
По всем волостям –
Мое «Да!»

КРЕДО

Утонул мой взор
В глубине веков
И упал на дно
Твоего креста,
И угас веков
Затуманенный взор,
И застала врасплох
Тишина.
Я с усилием поднял
Тогда главу,

Осязая перстами крест.
И с последним вздохом
Наконец-то я понял: «кредо,
Квиа абсурдум эст!»

РЕВНОСТЬ О ДОМЕ

Не умирают пращуры,
Даже, если исчезают ящеры.
Не умирают святыни,
Даже, если умрет гордыня.

ДОМ

Мне Голос был, он звал утешно...

А. Ахматова

Сколько лет сторожу этот дом,
Сколько лет стою у дверей,
Больше нет хозяина в нем
И хозяйки, что не видел добрей.
А в округе бродит зверье,
Рыщут, где бы что ухватить,
Да и небо то дом мой зальет,
То пытается его иссушить.
Дом-то – рухлядь одна,
Вроде нечего сторожить...
А без дома мне – не судьба,
Да и незачем жить.

ВОЗМЕЗДИЕ

С востока идут, с Востока, светы живого солнца,
Очи их пламенеют, уста рассекают воздух,
Кличем калеча ключицы, чтоб не поднялись руки.
(Глаза заградить от виденья,
Уши заткнуть от звука,
Рот запечатать от крика!)

* * *

*«Отъезд, как ни кинь –
смерть».*

М. Цветаева

Т. Э.

Вы уехали отдыхать,
(На чужой земле
Видно мягче спать).
Только вот Господь на осле
В город свой
въезжал,
умирать.

ПРОТОПОП АВВАКУМ

*«Шел Аввакум
От холода сутул
И от мороза
Ноги еле двигал».*

А. Волохонский

Иду, не зная куда.
Ищу не зная что.
За мной идет беда.
Впереди – огонь и вода,
Да невидомое «ничто»,
Обессиленному дающее силу
Преодолеть могилу
И не упасть пластом.
За Байкалом, за Енисеем
Своей смертью – зерно сеем.
По России стоит гул,
Поддувая мехами тигль.
*«Шел Аввакум, от холода сутул
И от мороза ноги еле двигал».*

* * *

*...не дай мне бог
сойти с ума,
нет, лучше посох и сума...*

А. С. Пушкин

Не дал мне бог сойти с ума,
Без посоха нейдет сума,
Доколе жив!
А долго жаждала судьба,
Чтобы душа была нема,
Тюрьмы не отворив.
Ты думал, что конвой – закон,
И что параша – царский трон
И все забыл?
Не каждому дарить поклон,
Не каждому услышать звон
И трепетанье крыл!

* * *

Двуглавному орлу – стыдиться?
Равно пасть Риму.
Не остановиться
Колеснице о четырех главах,
И вот опять орлиный взмах –
И пал единовержец,
Державу потопив в слезах и крови.
Императрицы – немки виноваты,
Или самих себя стыдится русским?
В снега окутались солдаты
И в лед обулись,
Столь долгим шествуя путем
Через долину смерти,
Что не хватало только оха –
Последнего прибежища,
И вздоха –
Голубым морозным паром!
Так погибают – (даром?)
За ложь и правду,
За чужих и близких...
Или за браваду –
Комариным писком.

СКОРБЬ

Я не первый сказал: невмочь
Укротить бытия дыханье,
И бессмысленному всезнанью
Я не первый сказал – прочь.
Ну а чем же могу помочь
Душам праведным
И убитым?
Плачет на поле позабытом
По твоим незабвенным грач...
Как темно от крика!
(Пустяки,
Хотелось бы думать.)

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

У хана татарского степной глаз,
Видит хан: русский князь
Хитр, воду мутит, кругами ходит,
Калым платит –
За спиной булат точит,
Города, городища строит...
Не по нраву хану
Звон христианский,
Поднимает орду хан,
Но и князь закален в хитростях –
Видит жадный огонь
В раскосых степных глазах.
Свою князь силу готовит,
Место найдено, да время не то,
Зато – ярость на ярость
И кровь на кровь,
Да птичий крик над Непрядвой.
Что ж, побита орда,
По степям разметана,
Слава русичам!
Только старец один пьет горечь,
Укрывая рясой проческий свет:
Быть вам, русичам, под ханом
Еще сто лет!

* * *

Что ты гордишься, бич
Над бичуемым?
Не в руке ли ты мстителя, – раб?
Гордость и тоска победителя
Не для тебя,
Сплетенный из жил!
Ты мгновенье жил –
И отброшен прочь.
Где же твоя мощь
Без бьющей тобою руки?

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Волны вод – не волны,
А воины вечной вражды
С неуступчивой сушей.
Имеющий уши
Услышит воинственный вой орды,
Удары мечей, звон тетивы,
Стон побежденных,
Гордый взмах головы
Победивших, словно крик
Младенцев, только рожденных!
Кто победил,
Кто повержен в прах?
Тот, кто лишился сил,
Или тот, кого обуял страх?
Подводные гады,
Звери земли,
Нет никому пощады,
Нет никому награды!
Бог сушу от вод отделил.

* * *

За все ли мы платим?
И все ли умеем хранить,
Как должно?
Вот маленький ключ
От маленькой дверцы порока
И много других ключей,

Ко всем сокровищам,
Которые оставил возлюбленный,
Уезжая на время.
Почему же устали глаза
Совершенством пленяться?
И взор устремляется к малому,
И ноги сами идут
К двери, паутиной и пылью заросшей,
Руки сами берут
Заржавевший, давно позабытый ключ.
И со скрипом открываемой дверцы
Закрываешь глаза,
Чтоб нежданно открыть
Столь тщетно скрываемое,
Являющее своей недоступностью...
Теперь-то мы знаем:
Это было безумием.

СИЛУЭТЫ ПЕТЕРБУРГА

Леночке Васильевой

Прерываются... перекрещиваются...
На крови Петербургский Спас...
Остается навечно вещью
Красота этих глаз...
И кажется безумием,
Что есть на земле смерть.
Неописуемо
Желание умереть.
К живым вод источникам?
К живой искупаться воде?
Из камня источены
Цветы, – камо гряде?

* * *

Черный ворон, что ты принес?
Чашу, полную слез.
Белый голубь, что ты принес?
Ветвь оливы из чаши слез.

* * *

...что это? Ты слышишь звон?
Любящие верно венчаются?
– что? А-а! С похорон
Нищие возвращаются!

* * *

...тают века на ладони безвременья
каплей, пролитой в восходе светила,
а у нас все – «нет времени»,
а в душе – нет пламени,
нету дыханья извечного Имени.

ПОМИНКИ

*– Опишешь ли всю боль страдания моего?
– Да, если буду жив. И будет для кого.*

М. Радноти, 1943

Грядущее помянем!
За столом среди бокалов,
Рюмок, анекдотов
С весело льющимся вином
Грядущее помянем!
Пусть буйствует в крови душа,
Пусть разум языком болтает,
Спеша у вечности украсть
Мгновения цветущей праздности.
Мы встанем, чтоб затем молчаньем пасть,
И с радостью грядущее помянем!

ИЗ СТИХОВ ПАМЯТИ ХЛЕБНИКОВА

МИРАЖ

Город упал на пальмы,
Упали и пыли пули,
Поле битвы найдя
Против влаги
Ложкою жара.
Ходят халаты,
Одевшие бороды в лысины,

Жующие нас,
Или в чалим упершись глазом,
Любуясь извивом дыма,
Из которого выходит дама,
Животом танцуя.
Хорошо в кайфе...
А потом – в бани,
Под мускулы банщика –
Плётки сплетен сплетать,
«Я очень беден» –
В ухо кому-то дуть,
Перстнем играя...
Пальмы укрыли город.

* * *

Меня радует радуга,
Изогнувшая лебедем выю!
Ра, солнце, дуга колеса,
Семь кос заплетённых Самсона,
Семь нежных оттенков
Неба, дождя и лучей!
Ты чей? Сон этот чей?
Сон нежных очей Серафима?
И в небе неопалима
Херувима живая стать!
Ну а Вы успели остыть,
Изогнувшая лебедем выю...

МОЛИТВА

В немоте, глухоте, слепоте
В темноте, пустоте, бедноте
Слово слуху открыло глаза:
Наполняется светом слеза.

КАМЛЕНИЕ

Бубен шамана бубнит, бубнит,
Будит будущее, говорит:
«Будет беда тогда, когда
Когти отточат твои года.

О! кати, окати, окутай,
Не спасись, не спаси, спутай
Колец серебряных два – в одно!
День дан, дню дно –
Вихрь,
Ворох вер.
Верь:
Нападет и падет зверь.
Только бубен мой
Тебя оградит
Грудой грудей
Моих битв!

СОН

За звоном – зов,
За зовом – сон,
За сном – корону
Снимает мир,
И все, что таилось,
Мыслилось, мнилось,
Любило, стыдилось,
Яростью дышало,
Смиреньем сникало –
Пускается в хоровод.
Вот красавица и урод
На брачном ложе,
Вот – младенцу сдирают кожу,
Бога – ведут на крест,
Козлу – целуют задницу,
Поют козлиную здравицу,
И куда ни посмотришь окрест:
Морды, рожицы, маски, моськи,
Носы превращаются в носики,
Рты – в пасти, глаза – в глазницы,
Речи произносят птицы,
Чтобы тут же змеями обратиться,
Вползая в девицу фаллосом,
И та становится черепом,
Скалясь от сладострастья,
Все принимают участие
В ночном хороводе,

Все свивается в нем.
Только нет места свободе,
Что иногда является днем!
И вдруг – тишина и звон,
За звоном – зов.
За зовом – утро со всех сторон!

* * *

Прах и пепел Земли –
Смотрю
заходящее Солнце.
Танцам цветущих красок
Радуюсь, как ребенок,
Древней печали сын.
Явь или сны?
Звезд
смотрю хоровод,
живую природу чисел
в нем созерцаю.

* * *

Я одену тебя в парчу,
Адаманты и жемчуга,
Буду тебе слуга,
Никогда не огорчу.
Только прошу, поверь:
Эту волшебную дверь
Я для тебя отворю
В утреннюю зарю!
Когда говоришь ты, верю,
Из чаши твоей пью,
О, если б я был хоть зверем
В эдемском твоём раю!

ОРФЕЙ

Тают, тонут, стонут,
Сетуют, плачут, ищут.
Неужели опять в омут,
Ведуну Водяному в пищу?
Не поймут, не придет помощь,

Не поспеет заря к рассвету,
Неужели сразит немощь,
Призовет, окунет в Лету?
Спросил Орфей у Хирона:
Неужели моя Эвридика
Из Аидова темного лона
Не увидит живого лика?
Немота неподвижного свода,
Багровый пожар ада,
Эвридика, твоя свобода
Мне доверенная награда!
Иду по крутым утесам,
Недоверие – сердцу рана
Прикоснуться к твоим косам
Неужели еще рано?
Свет впереди забрезжил,
Арфы коснулись руки,
Где же ты, Эвридика, где же,
Неужели, конец разлуке?
Торжествующе взор взметнулся,
Встрепенулась крылатая Ника,
Обезумел, забыл, обернулся...
И растаяла Эвридика.

РОДЕН

Трепет – ропот
Трепет – ласка,
Нежный шопот,
Чья-то маска.
Вечный лепет
Верной дланью
Скульптор лепит
Камню данью.
«Вам бы локон –
В медальоны,
Вам бы в кокон
Монсиньоры!»
Трепет – ропот,
Трепет – ласка
Орлий клекот,
Пламя – пляска!

* * *

То ли Вы ангел,
В углу притаившийся,
То ли вы – голос,
К горнему взвившийся?
Золушка принца,
Хрустальные туфельки...
И осетинца дочь Дагмара,
Ваша подруга,
Чудная куклолка,
Струга вашей души...
Ах, если бы не сутолока,
Мешающая, дней расточительность,
Мы б в синеве живого свода
Взмахнули чудными крылами,
В Неве отразясь Петербургом,
И с нами,
Как дар Демиурга,
Любви проснувшийся мир...
Любимая,
Пусть даже сир и гол я,
Пир я тебе приготовил!

* * *

Орех загадок! Разобью
Все маски – твои лица.
А по губам змеится
Зловещее – люблю!

СЫНУ

Маленькая ладошка
В теплой твоей ладони.
Тысячу раз: – «мое солнышко,
Глазыньки, ах, вы, сони!»
И смех на донышке
Начинаемой жизни.
Смотришь теперь извне
На маленького себя
И вспоминаешь ладони,
Ласкавшие тебя.
«Глазыньки, ах вы, сони,
Солнышко, дитя!»

СЫНУ

Можно ангелу навстречу
Руки протянуть?
Я вам с радостью отвечу:
Приходите нынче в вечер,
Вы увидите его,
Маленького моего,
С маленькими ручками,
С небом вечности в улыбке,
С пушком невинным на затылке,
А маленькая ножка и носик-крошка...
В самом деле ангел,
Белая мордашка, а зовется – Лешка!

* * *

В глаза войти – не в пещеру,
В них безмерности нету меры,
Ощетинятся копыя ресниц:
Ни обратно, ни вверх, ни ниц!
Ах, страна этих карих глаз,
Слез чистейший алмаз!
Мое сердце без этих слез,
Что виноградник, лишенный лоз!

* * *

*...но где мой дом
и где рассудок мой?*

А. Ахматова

...А где мой долг,
И где рассудок мой?
Возьми в залог
Мне вверенный покой.
В беде, в бреду,
Безумною рукой,
В изысканном чаду
Отдам свой золотой.
Прощальный звон
Монеты о мечту...
Среди немых колонн
Фиалкой расцвету.

ПЕСНЯ

Одари меня жемчугом
Южных морей,
Одари меня, женщина,
Теплотою своей.
Не пугайся далекого,
Непонятного нам.
У Сиона высокого
К нам приблизится храм.
Там высоко, до вечности –
Рукою подать,
Лишь терпение верности
Я прошу не терять.
Наша встреча: пустынная,
В звездных отблесках ночь...
Исаака невинная
Лаванова дочь.
Соскочу я с верблюда,
Ты откроешь лицо –
Патриаршего чуда
Золотое кольцо.
И века пронесутся,
Не Ревекка, Рахиль,
Ей глаза улыбнутся –
Израиль, Израиль!
Осиянные золотом,
Облечемся в виссон.
Мы так юны, так молоды,
Не забудь этот сон,
Не забудь.
Не забудь.

* * *

Зала отплясывала руками,
Вниз головами,
К потолку ногами!
Окна глазели
Глазами прохожих,
На красные рожи,
Потели.

Франтом
Бегал бокал
С официантом,
Шипя!

РОЗА И КРЕСТ

*...ты взвешен на весах
и найден слишком легким.*

Мне думалось, что я еще живу,
Что в блеске перламутровых искринок
Всех мыслей, я еще сорву
Последний, красной розы поединок
С неумолимой предрассветной мглой.
Но солнце яростное опалило мысли:
Теперь я знаю, что пришли за мной,
Что я измерен, взвешен и исчислен!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Алексея Пахомова Бог создал красавцем и поэтом. Тонким незаурядным талантом наградил его Господь. И дружил Алексей с людьми одарёнными, но известными нередко лишь узкому кругу. Его другом был замечательный поэт Леонид Губанов, временами подолгу живший у него дома. Нередко встречался Алексей с гениальным художником Анатолием Зверевым, искусством которого восхищался весь мир, а у себя на Родине он стал алкоголиком.

Духовный сын Александра Меня, в стихах своих Алексей воспевал Христа, преклонялся перед создателем, сотворившим эту необыкновенную красоту земную. Но в те времена, когда жил Пахомов, материализм в нашей стране поглотил ВСЁ и кому нужен был поэт, витающий в облаках? А он жил вне времени. Стихи свои мог бы писать при любом строе – демократическом, капиталистическом,

социалистическом, хоть феодальном! Образование он получал в своих «университетах» – в Ленинке, в Тургеневской библиотеке, в Иностранной, в ленинградской Публичной... Перебивался Алексей случайными заработками. Однако его это не слишком угнетало, ибо материальная сторона жизни не имела для Лёши большого значения. В Москве и в Ленинграде в кругах интеллигенции его знали, переписывали, перепечатывали на машинках его стихи и передавали своим друзьям, знакомым. Алексей Пахомов не принадлежал ни к одной литературной группировке андеграунда, но друзей из этой среды у него было много. В его квартире, в Беляево, собирались поэты, художники. Чаще всего здесь можно было встретить СМОГистов, впрочем, бывало и много других, из «Магистрала», например. Читали стихи свои и поэтов Серебряного века, спорили, шумели, шутили, пели, курили, пили...

На слова Алёшиных стихов слагали песни. Им восхищалась Надежда Яковлевна Мандельштам, в доме которой он часто бывал. Дружил с Генрихом Сапгиром, Анатолием Жигаловым, Ильёй Бокштейном, Натальей Трауберг. Однажды дома в гостях у супругов Пахомовых был Юрий Мамлеев. И с ленинградскими поэтами встречался Алёша нередко – с Анри Волохонским, Алексеем Хвостенко – авторами замечательной песни «Над небом голубым есть город золотой». Нередко в Беляевской квартире появлялся Пётр Старчик, диссидент со стажем. Он играл на гитаре и пел полулегальные песни на слова Ходасевича, Марины Цветаевой и других. Но вот струны звучат всё тише, тише, замолкают... И всё вокруг наполняют никому пока неведомые слова и мелодия. «Затаись, не дыши, слышишь?/ Осторожнее, не спугни...», Алёша негромко поёт строки из своего стихотворения. И мягко, проникновенно вступает голос Наташи, его жены: «Бог из чертога вышел/ И касается нашей души». Пение завораживает притихших людей. И замирают за окном пожелтевшие листья, и высоко-высоко голубеет светлое осеннее небо.

Лилия Волохонская

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алексей Пахомов. Предисловие Наталии Пахомой</i> ...	3
Младенец лучиком играл	5
Подожди, когда ветер устанет	5
Хрустальные звуки органа	5
ТРОИЦА.....	6
Иду по твоему лучу.....	6
Я заповедую тимпан.....	7
Минует мгновенье.....	7
За окном умирают тени.....	8
В саду, не тронутым течением часов.....	8
ОРФЕЙ.....	9
Я Алеф, Ты альфа, нет, арфа.....	10
И так всегда	10
Я качался на качелях бытия	11
За окном иль, может быть, за смертью	11
Ты сорвал цветок печали.....	12
ПЕСНЯ (За ретушь роскоши).....	12
По высотам, невидимым оком.....	12
Я спросил у мертвой воды	12
Птицей забился белою	13
КАЧЕЛИ СУДЬБЫ.....	13
ПЕСНЯ (Я же беден и нищ)	14
Стены с четырех сторон.....	14
Меня тревожат по ночам	14
Не может солнце не золотиться	14
ИКАР.....	15
Я жалею, как жалеются дети	16
У смерти одно преимущество	16
НАДЕЖДА	16
У первого цвета.....	17
Мириады звездных глаз.....	17

ХОРОВОД МАНАИМСКИЙ	17
Когда придем мы	18
КУМРАН	18
ПСАЛОМ	18
ДУХ.....	19
СЕМИСВЕЧНИК	19
ЧТО Я УСЛЫШАЛ , КОГДА ИМЕЛ КРЫЛЬЯ.....	19
АДАМ	20
Как-то, размышляя о мире.....	20
ПРИРОДА	20
Любовь – тончайшее из чувств	21
Сидеть у моря и видеть волны	21
Я грядущему поверил.....	21
Иногда я хочу проснуться.....	21
СКОРОГОВОРКА.....	22
Стремителен бег коня	22
В ритме сердца	22
На одре болезни	22
СОН	23
РУФИ	23
ЗАВЕТ	24
КРЕДО	24
РЕВНОСТЬ О ДОМЕ	25
ДОМ	25
ВОЗМЕЗДИЕ.....	25
Вы уехали отдыхать	26
ПРОТОПОП АВВАКУМ	26
Не дал мне бог сойти с ума.....	27
Двуглавному орлу – стыдиться	27
СКОРБЬ	28
КУЛИКОВСКАЯ БИТВА	28

Что ты гордишься, бич.....	29
ДЕНЬ ВТОРОЙ.....	29
За все ли мы платим?.....	29
СИЛУ ЭТЫ ПЕТЕРБУРГА	30
Черный ворон, что ты принес.....	30
...что это? Ты слышишь звон?.....	31
ПОМИНКИ	31
ИЗ СТИХОВ ПАМЯТИ ХЛЕБНИКОВА	
МИРАЖ.....	31
Меня радует радуга	32
МОЛИТВА	32
КАМЛЕНИЕ	32
СОН	33
Прах и пепел Земли.....	34
Я одену тебя в парчу.....	34
ОРФЕЙ.....	34
РОДЕН	35
То ли Вы ангел	36
Орех загадок! Разобью.....	36
СЫНУ (Маленькая ладошка)	36
СЫНУ (Можно ангелу навстречу).....	37
В глаза войти – не в пещеру.....	37
...А где мой долг	37
ПЕСНЯ (Одари меня жемчугом).....	38
Зала отплясывала руками	38
РОЗА И КРЕСТ	39
<i>Послесловие Лилии Волохонской</i>	<i>39</i>

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха “СЛОВЕСНОСТЬ”

Алексей Пахомов
УПАСТЬ НА ЛАДОНИ БОГА
Стихи

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная вёрстка — Марина Кива
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 09.04.2013
Подписано в печать 24.04.2013

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978-62-75